

Исправительное воздействие на военнопленных осужденных: международно-правовое, уголовно-исполнительное и иное регулирование

А. П. Скиба¹, Н. С. Малолеткина², П. В. Тепляшин³

¹ Академия ФСИН России,

Российская Федерация, 390000, Рязань, ул. Сенная, 1

² Самарский юридический институт ФСИН России,

Российская Федерация, 443022, Самара, ул. Рыльская, 24в

³ Сибирский юридический институт МВД России,

Российская Федерация, 660131, Красноярск, ул. Рокоссовского, 20

Для цитирования: Скиба, Андрей П., Наталья С. Малолеткина, Павел В. Тепляшин. «Исправительное воздействие на военнопленных осужденных: международно-правовое, уголовно-исполнительное и иное регулирование». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 2: 422–434. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2024.207>

В статье рассматриваются средства исправления осужденных военнопленных, обосновывается актуальность особенностей применения этих средств. Дается ответ на вопрос о том, в каких именно местах принудительного содержания разрешается изолировать вышеуказанных лиц: в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы России с отдельным содержанием от осужденных к лишению свободы либо в иных местах принудительного содержания. Анализируются положения Женевской конвенции 1949 г. «Об обращении с военнопленными» на предмет обнаружения особенностей обращения с данной категорией осужденных. Предлагается дополнить ее положением о том, что должен быть установлен запрет на допуск к работе с военнопленными лиц, которые пострадали (либо родственники которых пострадали) от результатов военных действий. Автор приходит к выводу, что международные подходы к регулированию общих аспектов обращения с военнопленными в целом схожи с уголовно-исполнительным законодательством РФ в части исполнения и отбывания наказания осужденными, но без учета специфики военного времени. Обосновывается необходимость применения принципа дифференциации и индивидуализации к военнопленным, осужденным за различные виды преступлений, к имеющим рецидив преступлений (такие случаи уже нередки, особенно среди наемников-комбатантов) либо к обладающим иными социально-правовыми или личностными особенностями. Делается вывод о целесообразности урегулирования на национальном уровне в уголовно-исполнительном и ином законодательстве с учетом положений международных документов таких вопросов, как определение мест содержания осужденных военнопленных, объем правоограничений в их отношении, обеспечение внешней и внутренней изоляции, содержание воспитательной работы с ними, включая применение мер поощрения и взыскания, их трудоустройство, оказание общественного воздействия, организация медицинской помощи.

Ключевые слова: боевая обстановка, военное положение, исправительно-профилактическое воздействие, обезоруженный комбатант, преступления военной направленности, человеческое достоинство.

1. Введение

В последние годы одним из направлений развития уголовно-исполнительного права является формирование уголовно-исполнительного законодательства военного времени (Крымов 2022)¹. Это представляется актуальным с учетом событий, происходящих на западе России, обострения и появления региональных военных конфликтов, возникновения иных внешних угроз, необходимости помощи военно-политическими средствами государствам, которые заключили соответствующие соглашения с нашей страной, и т. п.

В вышеуказанных рамках актуальными видятся вопросы межотраслевого регулирования обращения с военнопленными, их разграничения с осужденными, исполнение и отбывание наказания которых регламентированы в Уголовно-исполнительном кодексе РФ от 08.01.1997 № 1-ФЗ (УИК РФ) и других нормативных правовых актах. Немаловажно также рассмотрение различных аспектов их исправления как одной из целей уголовно-исполнительного законодательства, предусмотренной ст. 1 УИК РФ и направленной на формирование у осужденных уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения (ч. 1 ст. 9 УИК РФ).

В этом случае следует обратить внимание на основные средства исправления осужденных в соответствии со ст. 9 УИК РФ (установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественное воздействие и пр.) и возможность их применения в отношении осужденных военнопленных. По общему правилу большинство основных средств исправления, закрепленных в ч. 2 ст. 9 УИК РФ, реализуется соответствующими государственными учреждениями и органами, в отличие, например, от общественного воздействия, осуществляемого национальными или международными негосударственными (общественными) организациями.

При этом объективно военнопленные нередко отличаются от представителей державы, держащей их в плену, по мировоззрению, религиозным, историческим, национальным и иным традициям и т. п. Ряд из них могут иметь дополнительную боевую, религиозную, психологическую и иные виды специальной подготовки. Кроме того, иногда приверженность к той или иной идеологии, особенно радикальной (не говоря уже, например, о неонацизме), может влечь демонстративное выражение своих взглядов (в том числе в татуировках), нетерпимость к людям другой национальности, вероисповедания и т. п., в том числе к гражданам страны, захватившей их и держащей в плену. Без сомнения, вышеуказанные индивидуальные характеристики следует учитывать при осуществлении исправительно-профилактического воздействия на лиц такой категории (режим, воспитательная работа и др.), тем более осужденных за совершение конкретных преступлений и содержащихся в условиях изоляции.

¹ Имеется в виду также законодательство, принятое в рамках Военной доктрины РФ, утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976. Здесь и далее все ссылки на российские и международные нормативно-правовые акты приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 20 мая, 2024. <http://www.consultant.ru>.

В этом случае особую актуальность приобретает исследование особенностей применения средств исправления в отношении такой специфической категории осужденных, как военнопленные. В зарубежных исследованиях обращается внимание и на особенности дифференцированного подхода к исправительному обращению с осужденными, совершившими непосредственно ряд посягательств военной направленности, и лицами, покушающимися на совершение таких преступлений (например, геноцид) (Kantorowicz-Reznichenko 2017).

Данные вопросы актуальны в связи с необходимостью формирования в нашей стране уголовного права военного времени (Боев 2007; Ермолович 2012; Ображиев 2016), базирующегося на положении, содержащемся в ч. 3 ст. 331 Уголовного кодекса РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (УК РФ): уголовная ответственность за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке, определяется законодательством РФ военного времени.

Кроме исправительного воздействия в отношении рассматриваемой категории лиц, немаловажно изучение эффективности достижения другой цели уголовно-исполнительного законодательства — предупреждения совершения ими новых преступлений. Причем данный аспект обращения с военнопленными осужденными становится все более актуальным даже с учетом того, что военнопленный приобрел статус субъекта гуманитарного права после трагических событий Первой мировой войны. Так, Н. Уайли и Л. Камерон справедливо отмечают: «Масштабы, продолжительность и интенсивность военных действий после 1914 г. привели к концептуальному сдвигу в восприятии военнопленных, превратив их статус из “обезоруженных комбатантов”, чьи особые привилегии вытекали из их положения как членов вооруженных сил, в “гуманитарных субъектов”, обращение с которыми основывалось на понимании их гуманитарных потребностей и прав» (Wylie, Cameron 2019, 1327). Действительно, такие лица имеют специфические индивидуальные характеристики, требующие учета при исправительно-профилактическом воздействии на них. По нашему мнению, исследование особенностей отбывания такими лицами наказания, их досрочного освобождения, общественного воздействия, организации проведения с ними воспитательной работы, а также иных аспектов осуществления исправительного воздействия на них актуально в целом.

2. Основное исследование

В России на законодательном уровне многочисленные вопросы об обращении с военнопленными, тем более об исправительном воздействии на осужденных военнопленных, не разрешены. Первая из указанных категорий лиц лишь вскользь упоминается в Законе РФ от 18.10.1991 № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий», УК РФ и других нормативных правовых актах, и вообще не обозначена в Конституции РФ, Федеральном конституционном законе РФ от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении», УИК РФ, Указе Президента РФ от 10.11.2007 № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил РФ» и иных нормативных правовых актах.

Между тем в Федеральном конституционном законе РФ «О военном положении» (ч. 2 ст. 7 и ч. 2 ст. 4) предусмотрена возможность интернирования (изоляции)

граждан иностранного государства, воюющего с РФ (по-видимому, в определенные учреждения — места принудительного содержания).

Наличие указанной нормы вызывает следующие вопросы:

— в каких именно местах принудительного содержания разрешается изолировать вышеуказанных лиц — в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы России с отдельным содержанием от осужденных к лишению свободы либо в иных местах принудительного содержания;

— эти учреждения должны быть «закрытыми» или могут быть «открытыми»;

— имеется ли надлежащая правовая основа осуществления исправительно-профилактических мероприятий (в том числе режимного и иного характера) в отношении военнопленных, особенно осужденных.

Полагаем, что эти и иные вопросы, особенно о применении различных средств исправления, должны быть урегулированы уголовно-исполнительным и иным законодательством РФ.

В 2021 г. на базе Управления Федеральной службы исполнения наказаний России по Калужской области организован эксперимент по созданию учреждения объединенного типа, которое будет включать в себя все виды режимов, производство для привлечения к труду осужденных и иные объекты (Куликов 2021); в случае признания данного эксперимента успешным соответствующий изолированный участок в таком учреждении может быть создан и для содержания осужденных военнопленных.

С учетом наличия подобных пробелов в законодательстве РФ целесообразно обратиться к международным актам, в частности к Женевской конвенции 1949 г. «Об обращении с военнопленными» (далее — Конвенция), ратифицированной СССР в 1954 г. В ст. 21, 101, 108 и др. Конвенции предусмотрена отдельная категория военнопленных, к которым применяются уголовные санкции (т. е. осужденных военнопленных), проводится разграничение между несудимыми военнопленными и теми, к кому применяются дисциплинарные и уголовные санкции (ст. 82, 83, 84 и др.), закрепляется интернирование военнопленных (т. е. их фактическая изоляция в учреждениях закрытого или открытого типа по ст. 21), а также отчасти урегулировано применение отдельных средств исправления и других вопросов обращения с ними со стороны как государственных органов держащей в плену державы (ст. 12, 14, 15 и др.), так и негосударственной организации — Международного комитета Красного Креста (например, ст. 79).

Соответственно, именно осужденные военнопленные подпадают под частичное применение к ним исправительного воздействия и реализации иных аспектов обращения с данными лицами. Полагаем, что во многом это связано с пересмотром положений международного военного права по результатам Второй мировой войны. Ведь, как справедливо отмечает Р. Шек, война с нацистской Германией «не была симметричной войной, управляемой принципом взаимности... в обращении с западными союзниками и немецкими военнопленными» (Scheck 2021, 652). В унисон этому И. Жак указывает на «избирательное применение Женевской конвенции» Германией в период Второй мировой войны (Jacques 2021, 374). Поэтому в Конвенции (в отличие от Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1929 г.) потребовалось прописать механизмы исправительного воздействия на осужденных, которые заставляют государство тщательнее и ответственнее подходить

к содержанию военнопленных осужденных. Более того, полагаем возможным реализовать принцип дифференциации и индивидуализации к военнопленным, осужденным за различные виды преступлений, и к имеющим рецидив преступлений (такие случаи уже нередки, особенно среди наемников-комбатантов) либо к обладающим иными социально-правовыми или личностными особенностями. Неслучайно в специальных исследованиях предлагается включить в Конвенцию ряд дополнений, отражающих дифференцированный подход к обращению с военнослужащими, попавшими в плен в результате киберопераций против военных кораблей (Biller 2018, 172–179).

В Конвенции содержится ряд основополагающих положений, в частности:

— военнопленными могут быть как военнослужащие, так и гражданские лица — граждане другого государства (лица, входящие в экипажи военных самолетов, военные корреспонденты, поставщики, личный состав рабочих команд или служб, на которых возложено бытовое обслуживание вооруженных сил и т. п.) (ст. 4);

— военнопленные полностью сохраняют свою гражданскую правоспособность, которой они пользовались во время захвата в плен, а держащая в плену держава может ограничивать осуществление прав, предоставляемых этой правоспособностью, лишь в той степени, в какой этого требуют условия плена, т. е. в зависимости от режимных ограничений и т. п. (ст. 14); по-видимому, это также подразумевает, что условия содержания в плену должны быть регламентированы в соответствующих национальных нормативных правовых актах; подобную позицию можно встретить и в исследованиях зарубежных авторов (Arman et al. 2020, 397–405); представляется, что основы ограничения прав военнопленных и обращения с ними требуется прописать на уровне закона, а их конкретизацию закрепить в подзаконных актах, как это сделано в отношении осужденных;

— держава, захватившая военнопленных, несет ответственность за обращение с ними и обязана бесплатно обеспечить их содержание, включая оказание медицинской помощи (ст. 12 и 15); иными словами данная страна ответственна за состояние их жизни и здоровья, поведение и т. п., а также вправе применять к ним соответствующие организационные, профилактические и иные меры, в том числе привлекать к ответственности за их правонарушающие действия.

Вопросы обращения с военнопленными регламентированы не только ст. 12, 15 Конвенции, но и иными нормами:

— предусматривается запрет физического калечения и проведения научных или медицинских опытов над военнопленными (ст. 13);

— обращение с ними должно осуществляться без какой-либо дискриминации по причинам расы, национальности, вероисповедания, политических убеждений и пр. (ст. 16);

— лагеря, где содержатся военнопленные, должны быть расположены далеко от зоны военных действий с точки зрения обеспечения безопасности (ст. 19), при этом они должны располагаться на суше с обеспечением нормальной гигиены и сохранением состояния здоровья содержащихся лиц (ст. 22);

— военнопленные наравне с гражданским населением должны иметь убежища против воздушных налетов и других военных опасностей, а держащие в плену государства должны сообщать друг другу при посредничестве держав-покровительниц данные о географическом положении соответствующих лагерей (ст. 23);

— не допускается содержание военнопленных в тюремных зданиях, за исключением наличия особых причин (ст. 22); заметим, что, согласно данному положению, правоограничения военнопленных должны отличаться от режимных условий в пенитенциарных учреждениях;

— военнопленные должны получать соответствующее лечение в военном или гражданском медицинском учреждении, в том числе те, которые страдают тяжелой болезнью или состояние здоровья которых требует специального лечения, хирургического вмешательства или госпитализации (ст. 30);

— лазарет должен быть в каждом лагере для военнопленных, а в случае необходимости — изоляторы для инфекционных и душевнобольных (ст. 30).

Дополнительным пунктом Конвенции могло бы стать правило о том, что должен быть установлен запрет на допуск к работе с военнопленными лиц, которые пострадали (либо родственники которых пострадали) от результатов военных действий. Так, в специально проведенном исследовании достаточно аргументированно показан высокий риск издевательств и глумлений над военнопленными со стороны лиц, ставших жертвами военных действий неприятеля. Авторы данного исследования полагают, что введение запрета «на присутствие жертв войны в лагерях заключения может стать одним из важных и эффективных способов защиты военнопленных от пыток и жестокого обращения» (Khaji, Tabatabaei, Mashkoori 2020, 69–70).

При этом в Конвенции предусмотрено участие негосударственной международной организации в обращении с военнопленными — Международного комитета Красного Креста. Так, по ст. 79 военнопленные, находящиеся в плену, путем тайного голосования могут избирать лиц, представляющих их интересы перед властями захватившей их державы, Международным комитетом Красного Креста и иными организациями.

Таким образом, в определенной степени международные подходы к регулированию общих аспектов обращения с военнопленными схожи с уголовно-исполнительным законодательством РФ по поводу исполнения и отбывания наказания осужденными, но без учета специфики военного времени и притом что методы правового регулирования здесь различаются. В частности, уголовно-исполнительное законодательство РФ основывается на принципах законности, гуманизма, равенства осужденных перед законом и т. п. (ст. 8 УИК РФ), осужденные не подвергаются медицинским, научным или иным опытам, а также биомедицинским исследованиям (ч. 3 ст. 12 УИК РФ), для медицинского обслуживания осужденных организуются лечебно-профилактические учреждения (больницы) и медицинские части, а для содержания и амбулаторного лечения осужденных, больных открытой формой туберкулеза, алкоголизмом и наркоманией, — лечебные исправительные учреждения (ч. 2 ст. 101 УИК РФ) и т. п.

Отдельные положения Конвенции, содержащиеся в ст. 21, посвящены интернированию военнопленных (без международного определения содержания этого термина), в частности:

— интернирование является правом государства, захватившего военнопленных (ст. 21);

— интернирование может происходить в лагере как закрытого, так и открытого типа с возложением обязанности на военнопленных не выходить из него,

т. е. с вменением им дополнительных режимных правоограничений, связанных с внешней изоляцией;

— выход для несудимых военнопленных с территории закрытых лагерей не ограничивается, за исключением случаев применения к ним дисциплинарных санкций, что, на наш взгляд, может осуществляться в рамках воспитательной работы с ними;

— предполагается обеспечение охраны их здоровья, что, по нашему мнению, возможно, при их изоляции для проведения принудительных и иных мер медицинского характера;

— для улучшения состояния здоровья или по иным основаниям военнопленным может быть предоставлена ограниченная или полная свобода в соответствии с национальным законодательством (по-видимому, уголовным, уголовно-исполнительным, уголовно-процессуальным и пр.);

— при проведении военных действий возможно освобождение военнопленных под честное слово (по аналогии с уголовным и уголовно-исполнительным законодательством это можно считать досрочным освобождением от наказания) с обязательством выполнять взятые на себя обязанности как в отношении державы, за которой они числятся, так и в отношении державы, взявшей их в плен; в таких случаях держава, гражданами которой они являются, не должна требовать или принимать от них каких-либо услуг, противоречащих данным ими слову или обязательству.

Получается, что интернирование — это фактически изоляция военнопленных в учреждениях закрытого или открытого типа.

С определенной степенью условности иные положения Конвенции обращения с военнопленными, т. е. фактически с интернированными лицами, также аналогичны соответствующим положениям уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства РФ с учетом использования законодательной терминологии мирного времени, в частности:

— запрет на проведение пыток и иных мер принуждения (угроз, оскорблений и пр.) для получения от военнопленных каких-либо сведений (ст. 17);

— запрет на установление дополнительных правоограничений в отношении военнопленных за отказ свидетельствовать против себя самого и иных лиц (ст. 17);

— допрос осуществляется на языке, понятном для военнопленных (ст. 17), ведь попавшие в плен лица фактически имеют процессуальный статус подозреваемого или иного лица в рамках уголовного судопроизводства;

— в случае тяжелого физического или психического состояния военнопленные передаются на попечение медицинской службы (ст. 17);

— изъятие их ценных вещей осуществляется только для обеспечения безопасности (ст. 18), т. е. фактически для обеспечения режимных требований учреждения;

— перевод военнопленных из одних лагерей в другие производится через транзитные лагеря с соответствующим медицинским, коммунально-бытовым и иным обеспечением (ст. 20);

— транзитные или сортировочные лагеря должны соответствовать установленным условиям и режиму в других лагерях (ст. 24);

— условия размещения военнопленных в лагерях должны быть не хуже, чем у войск державы, держащей в плену (ст. 25; это касается общего размера площади

и минимальной кубатуры, оборудования и постельных принадлежностей, в том числе одеял, и т. д.);

— военнопленные женщины должны быть изолированы во время сна (ст. 25);
— запрещаются коллективные дисциплинарные взыскания, затрагивающие питание (ст. 26); заметим, что снижение рационов питания запрещено и по уголовно-исполнительному законодательству России;

— для ухода за слепыми и иными инвалидами военнопленными, а также для их переобучения (что представляет собой отдельное средство их исправления) создаются особые условия (ст. 30);

— военнопленные вправе обращаться с просьбами или жалобами в различные инстанции без ограничений непосредственно сами или через доверенное лицо (ст. 78);

— военнопленные информируются о перечне правонарушений, караемых смертной казнью (ст. 100).

Вышеуказанные международные положения также фактически схожи с отдельными установлениями уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства: в исправительных учреждениях устанавливается раздельное содержание осужденных мужчин и женщин (ч. 1 ст. 80 УИК РФ), осужденные вправе направлять в соответствующие инстанции предложения, заявления, ходатайства и жалобы (ч. 1 ст. 15 УИК РФ), никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению (ч. 2 ст. 9 Уголовно-процессуального кодекса РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ) и т. п.

Отдельные положения Конвенции посвящены различным вопросам обращения с военнопленными: в ст. 30–33 закреплены отдельные аспекты организации им медицинской помощи, в ст. 49, 50, 52 и др. — привлечения их к общественно полезному труду, являющемуся, согласно ст. 9 УИК РФ, еще одним средством исправления осужденных.

При этом в нормах Конвенции, в частности в ст. 21, 82, 83, 84, проводится разграничение между несудимыми военнопленными и теми, к кому применены дисциплинарные и уголовные санкции, т. е. фактически военнопленными, которые являются осужденными. В этом случае исправительное воздействие на военнопленных этих категорий (осуществление режима, общественного воздействия и пр.) различается следующим образом:

— осужденным военнопленным запрещается выход с территории лагерей закрытого типа (ст. 21);

— запрещается отбытие военнопленными дисциплинарных взысканий в исправительных учреждениях: тюрьмах, исправительных заведениях, каторжных тюрьмах и др. (ст. 97), однако данный запрет не распространяется на осужденных военнопленных;

— при отбытии дисциплинарных взысканий предусматривается изолированное содержание офицеров и женщин-военнопленных (ст. 97), а также осужденных военнопленных (ст. 108);

— выдача военнопленным посылок и денежных переводов может быть отложена, согласно ст. 98, до отбытия дисциплинарного наказания;

— военнопленные, подвергнутые дисциплинарным взысканиям, не лишаются льгот, вытекающих из их звания; они вправе ежедневно заниматься физическими упражнениями и пребывать на открытом воздухе не менее двух часов, проходить ежедневный медицинский осмотр, получать необходимую медицинскую помощь, в том числе в лагерьном лазарете или в госпитале (ст. 98);

— смертный приговор военнопленному приводится в исполнение по истечении шестимесячного срока (ст. 101);

— осужденные военнопленные содержатся в тех же учреждениях и в тех же условиях, что и несудимые военнопленные (ст. 108);

— осужденные военнопленные вправе обращаться с просьбами или жалобами в соответствующие инстанции без всяких ограничений непосредственно сами или через доверенное лицо, получать и отправлять корреспонденцию, получать не менее одной посылки в месяц, регулярно гулять на открытом воздухе, получать медицинскую помощь, которая потребуется по состоянию их здоровья, и духовную помощь, которую они пожелают иметь (последнее образует общественное воздействие как средство исправления таких осужденных) (ст. 108);

— к осужденным военнопленным не применяются коллективные наказания, телесные наказания, заключение в помещения, лишение дневного света, другие проявления пыток или жестокости (ст. 108); данные ограничения полностью обоснованы в рамках проведения с этими лицами воспитательной работы.

Таким образом, на международном уровне проводится разграничение между несудимыми и осужденными военнопленными с выделением последних, что влечет наличие особенностей обращения с ними, включая применение тех или иных средств исправления.

Отдельно в гл. 3 части VI Конвенции предусматривается, помимо прочего, порядок привлечения военнослужащих к уголовной или дисциплинарной ответственности (в соответствии с российской терминологией):

— один проступок влечет за собой одно обвинение с возможностью наказания лица только один раз (ст. 86);

— военнопленных могут приговаривать только к наказаниям, которые предусмотрены за такие же проступки, совершенные лицами, принадлежащими к составу вооруженных сил державы, держащей в плену (ст. 87);

— запрещаются коллективные наказания, телесные наказания, заключение в помещения, лишение дневного света, иные проявления пыток или жестокости (ст. 87), что, как уже говорилось, полностью обосновано в рамках проведения с этими лицами воспитательной работы;

— запрещены наказания в виде лишения звания или права носить знаки различия (ст. 87);

— женщины-военнопленные не могут приговариваться к более суровому наказанию или подвергаться более суровому обращению во время отбывания наказания, чем мужчины за аналогичные правонарушения (ст. 88);

— после отбытия военнопленными дисциплинарных или уголовных наказаний обращение с ними должно быть аналогичным обращению с другими военнопленными (ст. 88); данное положение указывает на то, что, согласно международному подходу, аналог судимости и/или постпенитенциарных ограничений в отношении военнопленных не предусмотрен;

— к дисциплинарным взысканиям относятся: арест; штраф в размере не свыше 50 % аванса в счет денежного довольствия и платы за работу; внеочередные наряды не свыше двух часов в день (не налагаются на офицеров) и пр. (ст. 89);

— максимальный срок дисциплинарного взыскания составляет 30 дней, а если на военнопленного будет наложено новое дисциплинарное взыскание, то между приведением в исполнение каждого из них должно проходить не менее трех дней, если продолжительность одного из наказаний достигает десяти или более дней (ст. 90); как нам видится, это также в целом обоснованно в рамках проведения воспитательной работы с ними;

— дисциплинарные взыскания на военнопленных вправе налагать начальник лагеря, его подчиненный офицер, заменяющий его, или тот, которому он предоставил такое полномочие (ст. 96);

— судебное преследование может осуществляться только за уголовно наказуемый проступок, юридически являющийся таковым в момент его совершения по законодательству держащей в плену державы или по международному праву (ст. 99).

3. Выводы

Российское уголовно-исполнительное и иное законодательство не регламентирует вопросы исправительного воздействия в отношении военнопленных осужденных. Следовательно, в случае возникновения таких ситуаций на практике это заставит правоприменителей использовать международные акты, в которых частично закреплено применение отдельных средств исправления (режима, воспитательной работы, общественного воздействия и др.), исходя из национальной терминологии законодательства мирного времени. Так, в целях обеспечения безопасности нашей страны и защиты ее интересов наибольший интерес представляет урегулирование на национальном уровне в уголовно-исполнительном и ином законодательстве с учетом положений международных документов многочисленных вопросов: определения мест содержания осужденных военнопленных, объема правоограничений в их отношении, обеспечения внешней и внутренней изоляции, воспитательной работы с ними, включая применение мер поощрения и взыскания, их трудоустройства, оказания общественного воздействия, организации медицинской помощи и иные аспекты обращения с ними.

При формировании уголовно-исполнительного законодательства военного времени следует учитывать необходимость изменения подавляющего большинства пенологических институтов, применяемых в мирное время. Так, при исполнении лишения свободы, помимо прочего, актуальна системная корректировка правового положения осужденных военнопленных (в частности, права на личную безопасность и др.) и исправительно-профилактического воздействия в их отношении со стороны администрации исправительного учреждения (при обеспечении изоляции и т. п.).

Возможно, уголовно-исполнительное законодательство военного времени может быть отражено в третьем томе УИК РФ, являющемся его Специальной частью (название условное), который будет содержать две части: Общую часть (особенности правового положения осужденных; общая специфика деятельности

учреждений и органов, исполняющих наказания, а также контроля за их деятельностью в военное время и т. п.); Особенную часть (дополнительные особенности исполнения и отбывания наказаний в военное время).

Библиография

- Боев, Валерий И. 2007. *Уголовное право военного времени*. М.: Спутник+.
- Ермолович, Ярослав Н. 2012. «Влияние норм международного права на военно-уголовное законодательство Российской Федерации». *Библиотека криминалиста. Научный журнал* 1 (2): 252–267.
- Крымов, Александр А., ред. 2022. *Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения*. 4-е изд., испр. и доп. М.: Криминологическая библиотека.
- Куликов, Владислав. 2021. «Первое мультиучреждение ФСИН может появиться в ближайшем к Москве регионе». *Российская газета*. Дата обращения 20 мая, 2024. <https://rg.ru/2021/03/12/reg-cfo/pervoe-multiuchrezhdenie-fsin-mozhet-poiavitsia-v-blizhajshem-k-moskve-regione.html>.
- Ображиев, Константин В. 2016. «Перспективы кодификации военно-уголовного законодательства». *Современное состояние и пути развития уголовного права Российской Федерации: научные и учебно-методические аспекты: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. памяти профессоров кафедры уголовного права В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова*, под ред. Валерия Ф. Лапшина, 274–280. Рязань: Академия ФСИН России.
- Arman, Jemma, Jean-Marie Henckaerts, Heleen Hiemstra, Kvitoslava Krotiuk. 2020. “The updated ICRC Commentary on the Third Geneva Convention: A new tool to protect prisoners of war in the twenty-first century”. *International Review of the Red Cross* 102 (913): 389–416.
- Billier, Jeffrey. 2018. “Cyber operations and the Second Geneva Convention”. *International Review of the Red Cross* 100 (1–2–3): 165–183.
- Jacques, Johanna. 2021. “A ‘most astonishing’ circumstance: The survival of Jewish POWs in German war captivity during the Second World War”. *Social & Legal Studies* 30 (3): 362–383.
- Kantorowicz-Reznichenko, Elena. 2017. “Misidentification of victims under international criminal law. An attempted offence?”. *Journal of International Criminal Justice* 15 (2): 291–318.
- Khaji, Ali, Seyed M. Tabatabaei, Ahmad Mashkooi. 2020. “Protection of prisoners of war from torture with proper selection of soldiers taking care of POWs: An ethical view”. *Trauma Monthly* 25 (2): 67–70.
- Scheck, Raffael. 2021. “The treatment of western prisoners of war in Nazi Germany: Rethinking reciprocity and asymmetry”. *War in History* 28 (3): 635–655.
- Wylie, Neville, Lindsey Cameron. 2019. “The impact of World War I on the law governing the treatment of prisoners of war and the making of a humanitarian subject”. *The European Journal of International Law* 29 (4): 1327–1350.

Статья поступила в редакцию 22 июля 2022 г.;
рекомендована к печати 19 января 2024 г.

Контактная информация:

Скиба Андрей Петрович — д-р юрид. наук, проф.; apskiba@mail.ru
Малолеткина Наталья Сергеевна — канд. юрид. наук, доц.; levkovka707@mail.ru
Тепляшин Павел Владимирович — д-р юрид. наук, проф.; pavlushat@mail.ru

Corrective action for prisoners of war: International legal, penal and other regulation

A. P. Skiba¹, N. S. Maloletkina², P. V. Teplyashin³

¹ Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia,

1, ul. Sennaya, Ryazan, 390000, Russian Federation

² Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,

24v, ul. Rylskaya, Samara, 443022, Russian Federation

³ Siberian Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

20, ul. Rokossovskogo, Krasnoyarsk, 660131, Russian Federation

For citation: Skiba, Andrey P., Natalia S. Maloletkina, Pavel V. Teplyashin. 2024. "Corrective action for prisoners of war: International legal, penal and other regulation". *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 2: 422–434. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2024.207> (In Russian)

The article substantiates the relevance of the study of the peculiarities of the application of means of correction in relation to convicted prisoners of war. The article answers the question of in what places of forced confinement it is allowed to isolate the above-mentioned persons — in correctional institutions of the Russian penal and correctional system with separate detention from prisoners sentenced to imprisonment or in other places of forced confinement? The provisions of the Geneva Convention of 1949 "On the Treatment of Prisoners of War" are analysed in order to identify the specifics of treatment of this category of convicts. It is proposed to supplement it with a provision according to which there should be a prohibition to allow persons who suffered (or their relatives suffered) from the results of military actions to work with prisoners of war. The paper substantiates the necessity of implementing the principle of differentiation and individualisation in relation to prisoners of war convicted of various types of crimes, who have relapsed into crime (such cases are not uncommon, especially among mercenary combatants) or who have other socio-legal or personal characteristics. It is concluded that it is advisable, taking into account the provisions of international settlement documents at the national level in penal and other legislation, such issues as determining the places of detention of convicted prisoners of war, the scope of legal restrictions in relation to them, ensuring external and internal isolation, the content of educational work with them, including the use of measures incentives and penalties, their employment, providing social influence, organizing medical care.

Keywords: combat situation, martial law, corrective and preventive action, disarmed combatant, war crimes, human dignity.

References

- Billar, Jeffrey. 2018. "Cyber operations and the Second Geneva Convention". *International Review of the Red Cross* 100 (1-2-3): 165–183.
- Boev, Valerii I. 2007. *Wartime criminal law*. Moscow, Sputnik+ Publ. (In Russian)
- Ermolovich, Iaroslav N. 2012. "The influence of international law on the military criminal legislation of the Russian Federation". *Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal* 1 (2): 252–267. (In Russian)
- Jacques, Johanna. 2021. "A 'most astonishing' circumstance: The survival of Jewish POWs in German war captivity during the Second World War". *Social & Legal Studies* 30 (3): 362–383.
- Kantorowicz-Reznichenko, Elena. 2017. "Misidentification of victims under international criminal law. An attempted offence?" *Journal of International Criminal Justice* 15 (2): 291–318.
- Khaji, Ali, Seyed M. Tabatabaei, Ahmad Mashkooi. 2020. "Protection of prisoners of war from torture with proper selection of soldiers taking care of POWs: An ethical view". *Trauma Monthly* 25 (2): 67–70.
- Krymov, Aleksandr A., ed. 2022. *Criminal-executive legislation in conditions of a natural disaster, the introduction of a state of emergency or martial law*. 4th ed., rev. and suppl. Moscow, Kriminologicheskaya biblioteka Publ. (In Russian)

- Kulikov, Vladislav. 2021. "The first multi-institution of the Federal Penitentiary Service may appear in the region closest to Moscow". *Rossiiskaia gazeta*. Accessed May 20, 2024. <https://rg.ru/2021/03/12/reg-cfo/pervoe-multiuchrezhdenie-fsin-mozhet-poiavitsia-v-blizhajshem-k-moskve-regione.html>. (In Russian)
- Obrazhiev, Konstantin V. 2016. "Prospects for the codification of military criminal legislation". *Sovremennoe sostoianie i puti razvitiia ugovolnogo prava Rossiiskoi Federatsii: nauchnye i uchebno-metodicheskie aspekty: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi pamiati professorov kafedry prava V. A. Eleonskogo i N. A. Ogurtsova*, ed. by Valerii F. Lapshin, 274–280. Ryazan, Akademiia FSIN Rossii Publ. (In Russian)
- Scheck, Raffael. 2021. "The treatment of western prisoners of war in Nazi Germany: Rethinking reciprocity and asymmetry". *War in History* 28 (3): 635–655.
- Wylie, Neville, Lindsey Cameron. 2019. "The impact of World War I on the law governing the treatment of prisoners of war and the making of a humanitarian subject". *The European Journal of International Law* 29 (4): 1327–1350.

Received: July 22, 2022
Accepted: January 19, 2024

Authors' information:

Andrey P. Skiba — Dr. Sci. in Law, Professor; apskiba@mail.ru
Natalia S. Maloletkina — PhD in Law, Associate Professor; levkovka707@mail.ru
Pavel V. Teplyashin — Dr. Sci. in Law, Professor; pavlushat@mail.ru